

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 1(091)(44)

О. Н. ЙОСИПЕНКО

СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СТРУКТУРНАЯ МИФОЛОГИЯ: ЗАЧЕМ АНТРОПОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФОРМАЛИЗМ?

Институт философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины

(Поступила в редакцию 02.04.2013)

Введение. Обращение к авторитету и понятийному аппарату структурной лингвистики с целью модернизации научного и философского дискурсов является отличительной чертой французских структурализма и постструктурализма. В этой статье мы обратимся к структурной мифологии Клода Леви-Стросса с точки зрения реализации в ней семиологической концепции смысла, заимствованной из структурной лингвистики Фердинанда де Соссюра. Согласно этой концепции, смысл значимых тотальностей можно объяснить без каких бы то ни было апелляций к порядку интенционального, сознания, без учета связей с референтом, контекстом, поскольку смысл является эффектом анонимной языково-логической дифференциации в недрах исследуемой системы (системы мифов, бессознательного, литературности и т.д.). Этот методологический подход оказывается неоднозначным, поскольку объясняет не сам феномен смысла, а его морфологические или формально-логические условия. Смысл значимых феноменов (дискурсов, мифов, ритуалов) возникает не на формальном уровне единиц, на которые можно разложить любую значимую последовательность, а на уровне синтаксиса, порядка сцепления ее элементов, который не может быть отделен от контекста (семантического контекста фраз, институционального контекста действий)¹.

Задекларированная Леви-Строссом методологическая унификация гуманитарных и естественных наук [5, р. 17] оборачивается методологическим монизмом, который сводит феномены значения и смысла (мифов, систем родства, текстов, дискурсов) до уровня формальных систем, действующих механическим образом. Исследовательский интерес этой статьи направлен главным образом на выяснение способа использования структурной мифологией методологии и концептуального аппарата структурной фонологии с целью установить, действительно ли лингвистический формализм исполняет (и может ли исполнить) ту модернизирующую роль в антропологических исследованиях, которую ему приписывает французский антрополог.

Основная часть. *Структурная лингвистика как носитель модернизационных устремлений.* Само название «структурная мифология» перекликается с другим названием – «структурная лингвистика». Последнюю Леви-Стросс считает образцовой гуманитарной дисциплиной, достигнувшей уровня строгости точных наук. Структурная лингвистика, подчеркивает Леви-Стросс, выявляет бессознательный характер языковых операций, и эта ее черта чрезвычайно привлекательна для антрополога, который пытается избежать методологических принуждений философии сознания. Обращаясь к Соссюру, которого Леви-Стросс цитирует как основоположника структурной лингвистики [4, р. 27], французский мыслитель интересуется,

---

¹ Эта проблема детально проанализирована в моей статье «Философия разума Клода Леви-Стросса: методологический голизм или атомизм?» [1, с. 158–164].

прежде всего, принципом произвольности языкового знака, позволяющим изъять из лингвистических исследований субстанцию смысла, но он совсем не интересуется деталями Соссюровой доктрины, а также тем фактом, что структурная лингвистика отводила почетную роль всем предшествующим лингвистическим дисциплинам, таким как историческая грамматика, географическая лингвистика и артикуляционная фонетика, дисциплинам, которые руководствовались совсем иными теоретическими моделями. Стремясь модернизировать антропологические исследования, увязавшие в эмпиризме, Леви-Стросс проводит параллель с дососсюровыми описательными лингвистиками, в которых роль теоретических рефлексий была очень незначительной, и предлагает антропологии встать на путь внешних методологических заимствований: ситуация внутри дисциплины, по мнению Леви-Стросса, настолько сложна, что лишь решительное использование наиболее успешных моделей и подходов может ее изменить, даже если такая практика будет противоречить внутренним традициям обновляемой дисциплины. Такие модели и подходы нужно заимствовать именно у структурной лингвистики, которая смогла освободиться от практики принятия методологических решений *ad hoc* и достигла необходимого теоретического уровня: «Во всей совокупности социальных наук, к которой лингвистика, безусловно, принадлежит, – пишет Леви-Стросс, – она все-таки занимает исключительное положение, поскольку по сравнению с другими социальными науками осуществила наибольший прогресс; вне всякого сомнения, лишь она может требовать статуса науки, поскольку смогла одновременно сформулировать позитивный метод и понять природу фактов, которые анализирует» [4, р. 37].

Таким образом, первой стадией модернизации социальных наук было, по мнению Леви-Стросса, структурное преобразование лингвистики. Второй стадией должно стать структурное преобразование антропологии, призванное продемонстрировать плодотворность *формализма* в антропологических исследованиях вообще и в анализе мифов в частности, способствуя, таким образом, методологической унификации социальных наук. Реформатор антропологии уполномочен на решительные шаги, которые сводятся, *во-первых*, к перенесению в антропологию принципа произвольности лингвистического знака, что дает возможность ликвидировать связи мотивации между видимой стороной исследуемых практик и их смыслом (например, между мифическим нарративом и произвольной относительно него мифологической системой, продуцирующей мифологический смысл). *Во-вторых*, к использованию фонологического формализма Н. Трубецкого и Р. Якобсона как основоположного принципа конституирования научных объектов: для своего установления фонологическая система не требует обращения к сознанию говорящего, и мифологическая система также является формальной, сводя роль рассказчика мифа к актуализации ее возможностей. *В-третьих*, к уподоблению социальных отношений процессам лингвистического обмена, к распространению принципов лингвистической коммуникации на все сферы социальной жизни и превращению их в принципы объяснения социальных институций, призванных, по Леви-Строссу, опосредовать, связывать своими практиками интеллектуальные оппозиции природы и культуры, жизни и смерти, мужского и женского, «я» и «другого». Под названием «символической функции» *принцип опосредования* окажется также главным принципом действия человеческого разума, его основоположной *структурой*.

Тот промежуток времени, который отделяет нас от амбициозного проекта структурной антропологии, показывает, что надежды Леви-Стросса на методологическую унификацию социальных наук под эгидой постсоссюровой лингвистики оказались напрасными. Более того, уже тогда, когда Леви-Стросс решил использовать фонологический формализм в анализе мифов, пражская фонология перестала быть одной из наиболее развитых структурных дисциплин. Начиная с середины 40-х годов XX ст. выходят первые работы *по формальному синтаксису*², и поиски «необходимых связей» переносятся в структурной лингвистике с уровня фонетики на уровень синтаксиса. Известная статья Леви-Стросса «Структура мифов», в которой он использует фонологические принципы для анализа культурных объектов, датируется 1955 годом, тем самым, когда Ноам Чомски защитил докторскую диссертацию под названием «Логическая струк-

² Смотри, например: [2, р. 181–183; 3, р. 283–340].

тура лингвистической теории» («The Logical Structure of Linguistic Theory»)³. Современная Леви-Строссу лингвистика предлагала уже *другие* модели формального анализа, но он избрал фонологическую модель, поскольку фонология была единственной лингвистической дисциплиной, в которой звук и смысл разделяет пропасть. Фонологический формализм был наипростейшим с точки зрения методологической унификации, к которой, по мнению Леви-Стросса, стремились все гуманитарные науки. Мотив этого выбора вполне понятен, но любой выбор требует обоснования, ответа на ряд важных вопросов: возможен ли (и нужен ли) в антропологических исследованиях такой уровень формализации? Возможен ли (и нужен ли) принцип произвольности в сфере объяснения культурных продуктов, антропологических (социальных) фактов? Как соотносятся фонологические единицы анализа (фонемы) и единицы анализа мифов (мифемы)? Подобная легитимация полностью отсутствует в работах французского антрополога. К тому же, исследования мифов Леви-Стросса не отличаются той научной строгостью, которую он требует от социальных наук, достигших уровня научной зрелости. Инстинкт антрополога, который позволяет ему избежать принуждений философского порядка, дает ему возможность избежать также требований фонологического порядка (неэффективных в его области вследствие высокого уровня формализации), несмотря на все его реверансы в сторону структурной лингвистики.

Лингвистический принцип произвольности в антропологии. Чтобы обосновать это утверждение, начнем с рассмотрения принципа произвольности знака, который Леви-Стросс представляет как «открытие» структурной лингвистики, превратившее ее в науку: «Все согласится с тем, что Соссюров принцип *произвольности* лингвистического знака был необходимым этапом достижения лингвистикой научной зрелости» [4, р. 230]. Но этот принцип имеет очень давнюю историю, он возник вместе с конвенциональными теориями языка еще в Древней Греции и был эксплицитно сформулирован уже «Логикой Пор-Рояля». Соссюр, таким образом, не открывал его, а дал ему новое объяснение, показав, что произвольность лингвистического знака является следствием действия формального принципа языковой дифференциации и ограничена *системой* языка. Соссюр обобщил и сформулировал то, что является условием возможности любого лингвистического исследования⁴: лингвист, независимо от того, грамматик он или историк, работает с языком, взятым в его формальности, принцип произвольности знака делает возможной любую лексикографию, диалектологию или историческую грамматику. Лексикографическое исследование, например, может фиксировать множество употреблений одного и того же слова лишь потому, что из звуковой формы слова не может быть выведен его смысл; историческая фонетика, например, может исследовать последовательности звуковых вариаций независимо от семантических вариаций именно потому, что между звуком и концептом отсутствует связь мотивации. Представлять принцип произвольности как недавнее открытие в лингвистике, которое дало ей возможность покончить с ошибочным прошлым, утверждать революционный характер Соссюровой и постсоссюровой лингвистики (прежде всего, пражской фонологии) означает подменять рассмотрение эпистемологических последствий использования лингвистического принципа в антропологии агитацией, ссылками на авторитет другой дисциплины, убеждая таким образом тех, кто имеет сомнения в целесообразности подобной методологической модернизации. Как пишет Т. Павел, «перенесение в мифологический анализ принципа произвольности знака является использованием *традиционного* лингвистического принципа с целью облегчения устранения смысла из мифологических исследований; также и тирания – метод, который используется с незапамятных времен, – в наши дни представляется как чудодейственный способ модернизации» [7, р. 44].

Если лингвист традиционно работает с языком в его формальности, отделенным от контекста, то антрополог, исследователь мифов, традиционно имеет дело со значимыми тотальностями, *неотделимыми* от их социального контекста. Изучение институций архаического общества

³ См. также: Chomsky N. Syntactic Structure. – New York: Mouton, 1957; Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. – Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

⁴ Если учитывать тот факт, что лингвистика, с момента ее возникновения в первой четверти XIX ст., определялась в оппозиции к общей грамматике как «чистая грамматика», предметом которой является формальная организация языка.

всегда заключалось в установлении связей, существующих между формой социальной организации и репрезентациями, которые она в себе содержит, функциями, которые она исполняет, или самосознанием социальной группы. Существование *мотивационных связей* никогда не ставилось антропологами под сомнение, независимо от их представлений о природе этих связей: интерпретация мифа про Деметру могла усматривать в нем рассказ о мистических смерти и возрождении или считать его сублимацией аграрных ритуалов, но в обоих случаях происходит поиск референтов мифического текста, мотивирующих рассказ. Исследуя мифы или религиозные верования, их традиционно пытались понять как выражение социальных или моральных опытов, даже если их смысл был неизвестен самим верующим (или рассказчиком мифа). Связи между культурными продуктами и их референтами, осознанные или неосознанные носителями культуры, всегда рассматривались как мотивационные связи.

История антропологии дает основания для вывода, что антропологический (социальный) факт не подчиняется формальному порядку продуцирования лингвистического знака: если между звучанием слова и его смыслом лингвист никогда не будет искать мотивационной связи, то антрополог никогда не будет сомневаться в наличии этой связи; проблемой является лишь выяснение ее природы, уровня, на котором она возникает. Когда в структурной антропологии постулируется произвольность видимой формы мифа и его семантической стороны (для понимания которой требуется установление некоторой формальной системы и не требуется установления правил перехода от одного уровня к другому), в рассуждение, претендующее на научность, закрадывается случайность, представляемая исследователем как необходимость. Т. Павел отмечает, что Леви-Строссов анализ мифа напоминает поиски смысла священных историй иудейскими и христианскими мистиками, которые также настаивали на радикальном разрыве между очевидным *текстом* и его *смыслом*. В оппозиции к средневековой экзегезе возникла гуманистическая филология, которая в XVII столетии трансформировалась в библейскую критику, которую подытожил «Теолого-политический трактат» Спинозы. В результате установилось четкое различие между мистическим прочтением и исторической экзегезой, последняя, в конечном счете, привела к появлению лингвистики в XIX столетии и ее структурного ответвления в XX столетии. «Под видом радикализации техник работы с текстами оживают доспинозовские подходы, — пишет Т. Павел. — Поскольку этос библейской филологии и наук про человека определялся как раз в оппозиции к этим подходам, практика Леви-Стросса незаметно возвращается к практикам, предшествовавшим филолого-герменевтической парадигме, хотя Леви-Стросс и не решался откровенно признать эту регрессию» [7, р. 58]. Пытаясь избежать герменевтического контроля, Леви-Стросс вводит в антропологические исследования лингвистический принцип произвольности. Отделив антропологические факты от любой мотивационной сети, приемлемой для дисциплинарной традиции, Леви-Стросс должен теперь подчинить эти факты радикально новой формальности, обращаясь на этот раз к *фонологическим моделям* структурной лингвистики.

Фонология как образцовая лингвистическая дисциплина. Попробуем выяснить, насколько Леви-Стросс в своих исследованиях придерживается принципов структурной фонологии и насколько его забота о научной строгости антропологических исследований отвечает его реальным шагам. В качестве примера обратимся к анализу мифа про Эдипа в статье «Структура мифов», которая входит в сборник «Структурная антропология». По аналогии с лингвистическим знаком, состоящим из двух частей, связанных в недрах системы произвольным образом, миф, согласно Леви-Строссу, состоит из нарративной части и части, подлежащей реконструкции. Для того чтобы добраться до нее, нужно использовать фонологические техники, обеспечивающие сведение всего звукового универсума к системе, которая его поддерживает. Миф, согласно такому подходу, содержит в себе видимый уровень и уровень системы, структурирующей первый уровень и придающей ему смысл. Связь между ними является произвольной, невозможно понять миф, ограничиваясь рассказанной им историей. Рассказ, говорит Леви-Стросс, это неупорядоченное нагромождение разных последовательностей, искать смысл мифа в нарративе — это то же самое, что искать музыкальный смысл в оркестровой партитуре, переписанной в линейную последовательность партий разных инструментов. По аналогии с музыкантом, которому досталась такая странная нотная запись и который должен разбить ее на партии гобоя, флейты,

кларнета и других инструментов, исследователь мифов должен разложить мифический сюжет на сегменты, а потом организовать их в синхронную структуру, подобную структуре оркестровой партии, упорядоченной принципами гармонии, оркестрации, контрапункта. В этих метафорах очень легко уловить отголосок принципа произвольности знака с разрозненностью его частей, а также фонологической процедуры, в процессе которой фонолог, отталкиваясь от звукового континуума, путем сегментации и реорганизации последнего устанавливает абстрактную систему фонем.

Мифический рассказ, отмечает Леви-Стросс, это диахроническая составляющая мифа, смысл которого появляется лишь на уровне синхронного прочтения вследствие сравнения сегментов, расположенных в колонках. Анализ мифа про Эдипа ведет к установлению четырех колонок: первая содержит такие события, как женитьба Эдипа на собственной матери Иокасте, захоронение Антигоной брата Полиника; вторая содержит такие события, как убийство Эдипом своего отца Лая, убийство Этеоклом брата Полиника; третья содержит события убийства Кадмом дракона, убийства сфинкса Эдипом; четвертая содержит перечень имен – Лабдак, Лай, Эдип с их этимологической интерпретацией (например, Эдип – это «распухшая нога», Лабдак – «хромой»). Каждая колонка является значимой: значение первой заключается в переоценке родственных отношений, значение второй – в их недооценке, значение третьей – в отрицании автохтонности человека (что доказывается истреблением людьми монстров), а значение четвертой – в утверждении автохтонности человека (о чем свидетельствуют трудности, коннотированные именами собственными, твердо держаться на ногах в результате недостаточной отделенности человека от земли). Сравнение колонок, по Леви-Строссу, дает возможность сделать вывод о симметричности структур первой и второй колонок, а также третьей и четвертой: первые две образуют структуру «за» и «против» родственных отношений, тогда как третья и четвертая поддерживают и отрицают в свою очередь связь человека с землей. Понимание мифа предполагает установление *аналогии* между размышлениями о семейных отношениях и верованиями касательно происхождения человека: переоценка семейных отношений и их недооценка структурно являются тем же самым, что и попытка избежать автохтонности и невозможность это сделать. Эти идеи являются незаметными на уровне рассказа, так же, как и связь аналогии между ними, что свидетельствует о параллелизме социальной и космологической структур. Миф, таким образом, призван преодолеть интеллектуальное напряжение, вызванное неразрешимыми, на первый взгляд, проблемами: «Миф ... выражает невозможность для общества, которое продолжает верить в автохтонность человека ... перейти от этой теории к признанию того факта, что каждый из нас реально рожден союзом мужчины и женщины» [4, р. 239]. Миф является ответом культуры на трудности, связанные с необходимостью опосредовать крайние противоположности, «приручить» их, и в этом заключается его смысл как институированной в обществе практики.

Такая интерпретация мифа действительно не может быть выведена из его сюжета, из его нарративной составляющей. Она основывается на определенных теоретических допущениях, касающихся связей между языком и мифом, которые можно сформулировать следующим образом: миф является лингвистическим феноменом, имеющим особые свойства, делающие его намного сложнее других лингвистических феноменов; значение мифа содержится не в его диахроническом разворачивании, а в его целостности; таким образом, элементы, составляющие миф, не имеют самостоятельного значения. Гипотеза, согласно которой миф принадлежит порядку лингвистических феноменов, не вызывает возражений, так же, как утверждение о его сложной природе. Но последнее положение, согласно которому элементы, образующие миф, не имеют собственного значения, является отправным пунктом исследования и в то же время ничем другим, как следствием применения к мифу фонологических методов. Отсутствие значения действительно является свойством фонем, но совсем не фонемы, взятые изолированным или системным образом, придают значение высказыванию, его смысл не сводится к простой сумме элементов – смысл высказывания задается его грамматической структурой. Почему, обращаясь к лингвистике в поисках модели, Леви-Стросс выбирает именно фонологические понятия как наиболее соответствующие антропологическим понятиям? Почему мифические события кажутся ему более похожими на лишённые значения фонемы, нежели на слова (такое замечание выска-

зывает Поль Рикер) или фразы? Действительно ли анализ мифов нуждается в фонологии или, возможно, другие лингвистические дисциплины, такие как морфология, синтаксис, лексика, могли бы предложить антропологу не менее научные, но более адекватные исследуемому объекту модели? Ответов на эти вопросы Леви-Стросс не дает.

Способ использования фонологических принципов структурной мифологией. Но допустим, что выбор фонологии является оправданным и обоснованным, и попробуем выяснить, каким образом антропологическое исследование мифов использует фонологические методы. Целью структурной фонологии является открытие системы инвариантов, которые поддерживают все фонетические высказывания естественного языка. Если эта система установлена, то анализ способен создать фонологическую репрезентацию любого фонетического фрагмента исследуемого языка. Инвариантные единицы могут быть разными – фонемами или совокупностями дистриктивных признаков, поэтому каждый язык может иметь разные фонологические описания. Но равноценность этих описаний не означает *произвольности* интерпретации данных, фонолог всегда работает в поле действия определенных теоретических принуждений, призванных ограничить произвольность анализа и обеспечить *четкое соответствие* теоретических конструкций их эмпирической основе.

Наиболее важными из этих принуждений являются принципы фонетической спецификации, инвариантности, линейности, взаимной однозначности и локального определения. Условие фонетической спецификации требует от фонолога отталкиваться от общей фонетической теории, которая содержала бы описание той материи, с которой он будет работать. Описания лингвистической субстанции лингвисты назвали этическими (*étiques*) исследованиями (производное от термина «фонетический» (*phonétique*)) в противоположность эмическим (*émiques*) исследованиям (производное от термина «фонемический» (*phonémique*)), которые интересуются абстрактной формой описываемого материала. Требование фонетической спецификации, реализованное в исследовании мифов, требовало бы от антрополога исходить из универсальной теории мифического материала, дающей до-системное описание мифов.

Чем могла бы быть теория материи мифов? Описанием рассказанных событий или описанием мифологических архетипов? Леви-Стросса этот вопрос не интересует, поскольку видимый уровень мифов не имеет для него собственной связности, являясь простым нагромождением мифических сегментов. Он, таким образом, игнорирует этический уровень исследований. Далее, фонологическое условие линейности требует от теоретических репрезентаций четко отображать порядок элементов фонической субстанции, устанавливая параллелизм последовательности конкретных элементов и их абстрактных образов. Исполнение этого требования структурной антропологией усложняется тем, что Леви-Стросс не различает, как я уже упоминала, этического и эмического уровней исследования. Но допустим, что этический уровень включает нарративы мифических событий, тогда как эмический уровень содержит колонки, конституированные на базе перечня событий. Тогда этическим единицам, таким как «Эдип убивает своего отца», «Этеокл убивает своего брата Полиника», может быть поставлено в соответствие эмическое единство «недооценка родственных отношений». Принцип линейности можно было бы считать реализованным в исследовании мифа про Эдипа, если бы не четвертая колонка, поскольку ее единицы, имена персонажей, не принадлежат порядку событий и не играют никакой роли в нарративном разворачивании мифа. Можно, конечно же, возразить, что семантические свойства текста не подчиняются принципу линейности, что этот принцип, безусловно плодотворный в фонологии, утрачивает свою эффективность, когда речь идет о феномене *значения*. Но если это так, то нужно ли продолжать настаивать, что фонологические модели наилучшим образом отвечают потребностям мифологического анализа? И не стоит ли тогда согласиться с тем, что анализ мифов является анализом *значимых ансамблей*, а не лишенных смысла единиц?

И последнее замечание: фонологические правила взаимной однозначности и локальной детерминации, призванные обеспечивать четкое соответствие этического и эмического уровней, требуют ассоциировать с каждым этическим описанием одну и только одну эмическую репрезентацию. Анализ мифа про Эдипа полностью игнорирует эти предписания: абстрактное описание этого мифа имеет всего четыре колонки, и если мы попробуем восстановить на его базе

эмический уровень, сделать это будет невозможно. Оппоненты Леви-Стросса обращали его внимание на то, что теоретическая реконструкция мифа проигнорировала множество мифических событий, на что Леви-Стросс отвечал, что все они вполне могут найти свое место в четырех колонках: например, самоубийство Иокасты является новым примером самоистребления (третья колонка), а добровольное ослепление Эдипа является еще одним примером увечья (четвертая колонка). Даже если принять эту интерпретацию, то нужно отметить, что она полностью игнорирует связь познания с виной, которая всегда считалась существенным аспектом этого мифа: в двух приведенных событиях традиционно усматривали *двойное наказание*, поскольку большинство вариантов этого мифа подчеркивает тот факт, что Эдип убил отца, не зная, кто перед ним, и женился на Иокасте, не зная, что это его мать, чем вызвал гнев богов, которые, в конце концов, позволили ему узнать истину. Таким образом, игнорирование тематического ядра мифа не может рассматриваться как преимущество структурного анализа, и этого недостатка могло бы и не быть, если бы Леви-Стросс придерживался принципов локальной детерминации и взаимной однозначности, которые не позволяют отрывать теоретические конструкции от материала, на базе которого они создаются.

Этот обзор, хотя и очень краткий, показывает, как мало общего имеет анализ мифа про Эдипа с тем вниманием, которое фонология уделяла эмпирическому подтверждению своих описаний в соответствии с требованиями научности. «Как это часто случается с идеологиями радикальных реформ, – пишет Т. Павел, – дискурсы о произвольности знака и лингвистической научности на практике оказались сразу же отброшенными» [7, р. 57]. Нужно отметить, что в своих более поздних работах Леви-Стросс сам признавал непродуктивность отделения теоретической репрезентации от ее объекта: «Миф может переходить только в иные мифы, так же, как мелодия может переводиться только другой мелодией, сохраняющей с ней связь гомологии ... В то же время, если всегда можно ... перевести одну мелодию в другую, как и в случае мифологии, то нельзя перевести музыку во *что-то иное*, нежели она сама, не впадая в вербализм музыкальной критики или вчерашней мифографии с ее герменевтической претензией. Таким образом, неограниченная свобода перевода диалектами оригинального языка, формирующая герметический универсум, неразрывно связана с радикальной невозможностью любого перемещения во *внешний язык*» [6, р. 577–578]. Уже в «Мифологиях», если сравнивать их со «Структурой мифов», происходит переориентация Леви-Стросса с языка на музыку как образец художественной структуры. Леви-Стросс ссылается в своих анализах на Вагнера, который изучал мифы при помощи музыки, и это увлечение выражается в появлении музыкальных терминов в названиях глав: «Соната добрых манер», «Фуга пяти чувств» и т.д. В целом, представление о мифе в «Мифологиях» намного менее формализовано. Музыка как новый образец понимания мифа предлагает другую, *непереводимую* структуру, которая дает возможность избежать вопросов о переходе глубинной структуры мифа в его нарративную, лингвистическую структуру. Необходимость правил подобной трансформации была исключена исходной гипотезой структурной антропологии, постулировавшей произвольный характер связи между двумя составляющими мифа. Именно эта гипотеза легитимировала обращение к формализму, который оказался методом, неадекватным природе исследуемого объекта, а глубинная «мифическая структура» оказалась, в конце концов, «*внешним мифу языком*».

Заключение. Пытаясь установить мотивы и прояснить способы обращения К. Леви-Стросса к лингвистическому формализму, мы обратились в этой статье к анализу мифов французского антрополога. Наше исследование структурной мифологии показало, что апелляции Леви-Стросса к лингвистическому принципу *произвольности* в объяснении антропологических фактов противоречат традиции антропологической дисциплины, которая всегда искала *мотивационные* связи между видимой стороной культурных продуктов и их невидимой стороной (социальные структуры, идеи и т. д.). К тому же, этот принцип не является открытием структурной лингвистики Соссюра, как считал Леви-Стросс, «*ноу-хау*» швейцарского лингвиста заключается скорее в объяснении этого принципа. Обращение антропологии к фонологии в поисках новой методологии исследований Леви-Строссом никак не обосновывается, хотя мотивы этого выбора вполне очевидны: структурная фонология является наиболее формальной из лингвистических дисциплин.

плин, звук и смысл тут разделены настоящей пропастью. В то же время, апеллируя к принципам структурной фонологии в исследовании мифов, Леви-Стросс все-таки их *не придерживается*: фонология совсем не предполагает произвольности теоретических интерпретаций фонической субстанции, все исследования в ней подчиняются четким принципам, которые обеспечивают корреляцию теоретических схем с эмпирическим материалом, тогда как для Леви-Стросса уровень наррации мифа является лишь реализацией мифической системы, чем-то вроде Соссюровой «речи», которая не может быть предметом лингвистики. Леви-Стросс не считает мифические нарративы, факты реализации мифической системы предметом анализа антрополога, который должен исследовать, как «мифы мыслятся в людях», а не как «люди мыслят свои мифы». Этот формальный подход к мифам существенно модифицирован уже в «Мифологиках» Леви-Стросса, где он фактически признает неэффективность формализма в антропологических исследованиях.

Литература

1. *Йосипенко, О.М.* Философия разума Клода Леви-Стросса: методологический голизм или атомизм? / О. М. Йосипенко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – Серия Е. – 2012. – №7. – С. 158–164.
2. *Harris, Z.S.* From Morpheme to Utterance / Z.S Harris // *Langage*. – 1946. – XXII.
3. *Harris, Z.S.* Co-occurrence and Transformation in Linguistic / Z.S Harris // *Langage*. – 1957. – XXXIII.
4. *Lévi-Strauss, Cl.* *Antropologie structurale* / Cl. Lévi-Strauss. – Paris: Plon, 1958.
5. *Lévi-Strauss, Cl.* *Antropologie structurale deux* / Cl. Lévi-Strauss. – Paris: Plon, 1973.
6. *Lévi-Strauss, Cl.* *L'Homme nu* / Cl. Lévi-Strauss. – Paris: Plon, 1971.
7. *Pavel, Th.* *Le mirage linguistique* / Th.Pavel. – Paris: Minuit, 1988.

O. N. YOSYPENKO

STRUCTURAL LINGUISTIC AND STRUCTURAL MYTHOLOGY: FOR WHAT ANTHROPOLOGY NEEDS LINGUISTIC FORMALISM?

Summary

Claude Levi-Stross'es structural mythology methodological issues have been examined in the article from the point of view of suitability to use linguistic formalism in anthropologic investigations. Optional and decorative nature of borrowings from structural phonology has been found. Incompatibility of anthropological traditions with formal attitude of structural linguistics has been shown, too.